

*Вячеслав Шахов
(Калининград)*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРУССИЯ В ЗЕРКАЛЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Разрабатывается концепция детерминированности исторического процесса явлениями культуры. Культурный аспект, который в данном случае выделяет автор, – религиозные верования. Показывается, что Пруссия составила собой регион, в котором пересеклись влияния древнего прусского язычества, восходящего к праиндоевропейской эпохе, римско-католической церкви, православия. Взаимодействием этих форм идеологии объясняется история Пруссии.

***Ключевые слова:** история культуры, религия, этнос, язычество, христианство, Пруссия, Литва.*

*И*стория Восточной Пруссии составляет пример влияния идеологических и этнокультурных факторов на судьбу региона, населяющих его людей, а в ряде случаев – и пример трагичности ошибок сильных мира сего. Но история дает и уроки. В культурном плане главный из них таков: никакие идеологические установки эпохи не могут помешать духовному и культурному развитию народа. Любое достижение в этой области не исчезает бесследно, даже если ушла в прошлое не только идеология, лежащая в основе той или иной культурной модели, но и сам этнос, выступающий носителем и объектом этой идеологии. В конечном счете история никогда не движется вспять.

История народа — это история его культуры, как бы ни считали политики или полководцы. Культура — это всеобъемлющий феномен, который вбирает в себя духовные достижения человечества, его социально-практический опыт, нравственные идеалы, искусство, быт, семейно-личностные отношения и многое другое, без чего она существовать не может и в чем многоаспектно проявляется. Культура включает комплекс знаний, верований, обычаев, законов, морали, искусства; это реализация духовных ценностей путем культивирования высших человеческих достоинств. При этом она составляет важнейшее интегрирующее начало в обществе, стимулирует людей к творчеству, порождает мир и общественное единство.

Тем не менее общего мнения о воздействии исторических процессов на положительное развитие культуры не существует. Такой авторитет в области духовной эволюции человека, как блаженный Августин, в «Граде Божиим» настаивал на «внекультурности» истории и вообще видел в ней лишь «хронологию». Он не отрицал культурного влияния того или иного народа на мировую историю, хотя и считал его эпизодическим, подверженным разрушению временем, «ибо никакое человеческое достижение не получило обетований вечности». Он полагал, что все народы, века, стволы культуры должны внести свою лепту в историю человечества, поскольку культура есть сокровищница, в которой распределяются вещи древние и новые и в которой идет очистительная переплавка золота новых данников.

Не надо питать иллюзий тем, кто видит задачу сотворения истории средствами культуры сегодня уже завершенной, ведь чудо, имевшее место в прошлом, должно длиться и впредь, и оно действительно находит свое бытие во времени. А сама история верует в новые открытия, новые промыслительные гармонии.

По вопросу детерминированности исторического процесса культурными событиями существует и противоположная позиция: она является более поздней методикой академической науки, указывающей на существенный исторический аспект догмата, включающего теоретические положения культурологии.

Существует необходимость разделить исторический процесс и его теоретическое моделирование. Модернизация прошлого так же недостоверна, как архаизация современности. Культура не только синхронна, но и диахронна, именно это основа ее устойчивости и стабильности [6, с. 7–13].

Здесь уместно напомнить об общем правиле подхода к историческим фактам: прошлое нельзя судить по нравственным стандартам

нового времени. Оценка культуролога звучит иначе: «Не надо ставить вопрос так: мы должны интерпретировать явления культуры далекой эпохи в категориях этой эпохи или, напротив, в категориях нашей собственной эпохи? Непосредственное, некритическое, недистанцированное пользование одним или другим рядом категорий само по себе может быть только провалом. Интерпретировать культуру прошлого, наивно перенося на нее понятия современности, — значит заниматься мышлением, которое идет мимо своего предмета и грозит уйти в полную беспредметность» [14, с. 33].

Описание любых аспектов этнокультуры принято начинать с этногенеза. Начальная стихийно-естественная колонизация Балтийского региона осуществлялась племенами догосударственного социального устройства. Параллельно с развитием этноса развивалась и его культура. Так, становление и развитие культурных явлений, норм, стилей и других новационных форм происходило не только в глубокой древности, но и в наше время, порождая новые компоненты культурных систем. Культурогенез включает динамику этнических, конфессиональных общностей и субкультур, развитие ментальности народа, модификация образа и стиля жизни, системы ценностных ориентаций и мировосприятия. Культурная традиция в наши дни продолжает оставаться универсальным стабилизирующим и селективным механизмом, действующим во всех сферах социума. Различия в проявлениях культурной традиции в прошлые и современные эпохи следует соответствующим образом дифференцировать и типологизировать. Но это должно производиться в пределах одного круга явлений, объединяемого общим понятием *культурная традиция*.

Автохтонными жителями Балтийского региона были угрофинские племена, культура которых восстанавливается по археологическим данным. Учитывая, с одной стороны, низкую плотность населения в этом регионе, а с другой — лишь начинающееся в то время структурирование общественных отношений, можно выдвинуть достаточно уверенное предположение, что ассимиляция автохтонов балтскими племенами прошла относительно мирно. Южные финны, в отличие от племен Калевалы, не опирались на давно разработанные мировоззренческие представления индоевропейской эпохи.

История юго-восточной Балтии делится на множество национальных историй и проблем. Мы их коснемся только в той степени, в которой они влияют на образ жизни русских в Прибалтике или на историю данного региона. Среди них важное место занимает, в частности, проблема исчезнувшего народа пруссов. Это группа племен, родст-

венных латышским и литовским, создавших оригинальную целостную культуру, основанную на адаптации балтских племен к условиям местной природной среде. Носители высокой ведической культуры, они в целом мирным путем ассимилировали автохтонное население — во всяком случае, в фольклорных источниках, включая Калевалу, нет негативного описания ни пруссов, ни литовцев. Вряд ли следует ожидать, что пруссы, народ, язычество которого восходило непосредственно к индоевропейским религиозным представлениям, мог непротиворечиво сосуществовать с носителями иной культуры; скорее всего, финские племена были ими вытеснены.

Пруссы имели свою национальную территорию, племенное единство, язык, фольклор, собственную религиозную картину мира. Их социальная и политическая культура оказала влияние на историю, религию и культуру огромных территорий от Черного моря до Урала, но они так и не смогли консолидировать народы Балтии. Лишь в VII—XIII веках пруссами было создано некое подобие теократического прагосударства, которое, однако, с самого начала несло признаки самоуничтожения.

Несомненно высока степень общности языческих верований балтов и славян, включая племена, жившие на территории современной России. Литовско-прусские племена были последними носителями язычества в Европе. Их теология, в те времена важнейшая составляющая культуры *incorpore*, не обрела стройности античной системы, но послужила основой культуры, предпосылкой осознания национальных интересов. Хоть мрачность обрядов Криве-Кривайтисов и уступала литургике ацтеков или майя, но все же они были значительно более жестокими, чем у европейских народов: в них отчетливо просматривается дух ведических культов ариев. Даже в XIX — начале XX века в фольклоре Балтии прослеживаются мотивы человеческих жертвоприношений, а казни христианских миссионеров в ближайшую доорденскую эпоху, как и немецких рыцарей при восстании Геркуса Мантаса, носили отчетливо ритуальный характер [9]. Криве-Кривайтисы имели идеологическое влияние не только на литовцев, жемайтов и латышей, но и на восточных славян. Этнокультурные описания по состоянию на XII век свидетельствуют, что сближению народов регионов способствовал структурированный пантеон прусских богов и строгая иерархия клира [15].

Процесс государственного роста был грубо прерван внешней военно-идеологической колонизацией. Полемизируя с известным штампом, отметим, что пруссы отнюдь не были мирными охотниками,

жившими в равновесии с природой. По мере развития социально-племенных отношений они испытали заметное возрастание роли военно-племенной верхушки, что означало для них возможность создания предгосударственных, а затем и государственных форм социальной и политической культуры. В современных терминах их система правления могла бы быть названа террористическим государством-изгоем. Его существование несло реальную угрозу многим соседним странам, прежде всего Польше. Литва и Русь также воспринимали пруссов как серьезную угрозу своему существованию. Причина этого — узко понимаемые жреческим сословием пруссов интересы своего народа, консерватизм, гипертрофированно чтимые родовые традиции [1].

Власть верховного жреца Криве-Кривайтиса к XIII веку противопоставила Пруссию христианской Европе, более того — ходу ее исторического развития. Отметим, что в языческое время существовала практика рутинных набегов неорганизованных литовских грабительских ватаг на Русь. По свидетельству «Слова о полку Игореве» (трактровка Л. Н. Гумилева) они наносили значительный ущерб также и русскому народу, в частности Полоцкому княжеству: «На Немизе (Немане. — В. Ш.) снопы стелют головами, молотят чеши харалужными, на тоце живот кладуть, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не болотом бяхнуть посеяни, посеяни костями русских сынов» [8, с. 43]. При всем этом пруссы, подобно варягам, одновременно торговали с русскими княжествами.

Теократическое прагосударство, созданное к VII—XI векам, было не способно к динамическому развитию. Криве-Кривайтисы установили тоталитарное правление с беспрекословным подчинением себе соплеменников (такое подчинение оказывалось не только самим жрецам, но любому носителю жреческого посоха!) и невиданной в истории до XIX века налоговой нормы — 30 % всех доходов лиц всех сословий отдавались как обязательные пожертвования на капища. Жрецы не видели стимулов к модернизации ни экономического строя, ни догматики своего вероисповедания. Фанатично боясь инокультурных заимствований, отвергая христианство и основанную на нем цивилизацию, Криве-Кривайтисы осудили себя и свой народ на отсталость, а упорствуя в этом, и на уничтожение. Относясь безучастно к будущему и беззаботно к настоящему, они не были готовы для блага и стабильности государства идти на уступки как в политике, так и в идеологии. Итог этой сверхригористичности — практически бесследное исчезновение идеологии Криве-Кривайтисов у народов Балтии.

Теория культурной диахронности предполагает непрерывное и прямое воздействие на этнос культуры предшествующих поколений — от

первобытных ее форм до современных. Из поколения в поколение методами вертикальной передачи знаний формируется наиважнейшая для существования этноса диахронная информация по мировоззренческим и поведенческим вопросам, ориентирующим личность на различение добра и зла в плане этнокультурных норм, обычаев, обрядов, что приводит к созиданию *культурного гнезда*. Первичное *культурное гнездо* в данном регионе органически зародилось в связи с исходным языческим мировоззрением — поклонением силам природы прусских Криве-Кривайтисов. Это были самодостаточные, жесткие представления о мире, которые невозможно было ассимилировать с последующей аннигиляцией в более высоких религиозно-философских системах.

Верования древних славян и пруссов были близки. Отметим также, что почти треть русской исторической знати ведет свои родословные от прусских князей или бояр. Из этого нельзя делать радикальные выводы: Саксон Грамматик в XII веке отмечал еще более близкие отношения между пруссами и датчанами, а археологи подтвердили наличие подобных братских союзов еще в VIII веке. Общность культур Литвы и восточных славян просматривается вплоть до конца XIII — начала XIV века. Следы балтославянского единства и поныне обнаруживаются в языческих верованиях и даже в современных суевериях [4, с. 255]. Все же Иоанн III при обретении царского венца счел, что для легитимизации династии самого большого государства Европы ее происхождения от варяжского конунга маловато и построил свою родословную от римских цезарей, точнее — от Августа, якобы передавшего императорские полномочия Прусу, который и стал пращуром Рюрика. Этот исторический экскурс был не столь уж необоснованным. Ныне кроме норманнской и северной (тоже варяжской) версий существует и гипотеза прямого происхождения не только варягов Рюрика, но и всего народа Руси из юго-восточной Балтии — от племени *ругов*, живших во II—III веках на смежной территории расселения балтов, славян и германцев. В частности, княгиня Ольга именовалась правительницей племени *ругов* [10, с. 536].

Заметим попутно, что анализ истории этносоциальных процессов на территории юго-восточной Балтии показывает, что, несмотря на обычное стремление акторов исторического процесса придать культуре региона «палимпсестный» характер, она развивается стихийно. При этом в ней отмечается наличие самых древних этнокультурных феноменов. Любопытно, что отдельные древнейшие культурные феномены «всплывают» из-под наслоений христианской цивилизационной культуры при благоприятных для этого обстоятельствах. Так,

у русских после забвения христианских традиций похоронной обрядности под напором атеистической идеологии не только усилилось значение тризны как ведущей составляющей поминовения усопших, но и добавилось символическое жертвоприношение на могилах монетами и конфетами.

Существуют теории, возможно, и не менее весомые, но тем не менее отрицающие значимость балтославянских контактов. Во всяком случае, не согласные с их дальнейшим воздействием на этнокультурные процессы у обоих этносов. Историю и культуру русского и прусского народов также сближает значительное варяжское влияние, которое они испытывали с VI века. Эти проблемы глубоко проанализированы В.И. Кулаковым в исследовании прусско-античных, прусско-германских и прусско-скандинавских связей [9].

Существовали и многочисленные горизонтальные связи между пруссами и восточными славянами. Исторически их знать была во многом общей. В XV веке новгородцы приглашали к себе князей по преимуществу из Великого княжества Литовского, а в 1470 году и вовсе пытались уйти под руку короля Польского и Великого князя Литовского Казимира. Все же разделение русских и литовских земель началось еще при Ярославе Мудром и послужило основой синтеза различных этнокультурных норм государственности. Князья и бояре южных и западных русских земель, стремясь избавиться от ордынской власти, по большей части в XIII веке не противились присоединению их земель к Великому княжеству Литовскому, а также к Венгрии и Польше. Западнорусское население становилось все более родственным своим западным соседям не только по крови, но и в политическом отношении, а также еще больше сближалось с ними в быту и культуре, в то время как отчуждалось от Руси домонгольской. Еще в XVI веке восточнославянское население составляло почти половину жителей Литвы, от крестьян до крупнейших магнатов. Русские бояре и служивые люди (прежде всего — панцирные бояре) получили многие права и свободы польских панов и шляхты [8].

Несмотря на то что история Южной Балтии из документальных источников известна несравнимо лучше истории большинства других регионов Европы, в работах разных национальных научных школ она зачастую различается до неузнаваемости. И дело не только в естественной (порой гипертрофированной) гордости исследователей за свою страну и свой народ, для которых слава Родины — предмет повседневного труда. История политизирована, и эта ее черта особенно ярко проявляется при исследовании земель Балтии, принадлежность которых всегда была спорной; более того, продолжает оставаться тако-

вой до сего дня. Спорны также вопросы этнокультуры и религии на этой земле. В таких условиях наука, с одной стороны, не может пребывать в башне из слоновой кости, но с другой — всячески оберегается от грязи текущих политических разборок.

Для Польши соседство с архаичным языческим государством стало серьезной проблемой. Теснимая с запада немцами, раздираемая феодальными конфликтами, не сумевшая выстроить систему отношений с западнорусскими княжествами, она при постоянном грабительском давлении пруссов могла исчезнуть как государство. Кроме прагматических целей благородная польская пассионарность имела в виду несение язычникам света христианства, что соответствовало и требованиям политической жизни — очаг агрессивного язычества в центре Европы должен был исчезнуть. Король Болеслав I Храбрый (996—1025) инициировал миссионерские акции младших братьев ордена Св. Франциска в земле пруссов. Благодарную память заслужило подвижничество епископа Адальберта-Войцеха (умер в 997 г.). Св. Адальберт наследовал деяния славянских учителей — святых Кирилла и Мефодия, но не чужды ему были латинская, византийская и немецкая культуры [18]. В связи с благочестивым подвигом Адальберта-Войцех был беатифицирован Римско-католической церковью как покровитель славян Балтии. Его подвигу следовал Св. Бруно Кверфуртский (умер в 1009 г.), первый этнолог и культуролог, подвизавшийся в данном регионе, а до того систематически изучавший народы Руси, Дикого Поля и Южной Балтии [7, с. 163]. Благочестивая миссия просветителей для братьев-миссионеров закончилась трагически, но ими были намечены *этнокультурные подходы* к сближению язычников-балтов с католиками [2, с. 53].

Крестовые походы можно считать своего рода «социокультурной деятельностью», показывающей, насколько в Средние века сакральное начало пронизывало всю духовную жизнь. На начальном этапе эти акции не имели целью создания устойчивых колониальных образований. Первые крестоносцы соответствуют идеалистическим образам романтической историографии XIX века. Благородство испанских рыцарей ордена Калатравы, прибывших около 1220 года на побережье Пруссии, веками вдохновляло польскую поэзию. Кастильцы строили замки и капеллы, но не смогли добиться победы и погибли в прусских болотах. С той же романтической пассионарностью польские макленбургские рыцари создали орден братьев рыцарской службы Христу в Пруссии (1227), разделивший судьбу испанских монахов [17].

Приобщение пруссов к Свету Христову не имело естественного эволюционного характера. Если поляки приняли Христа трудами братьев-францисканцев при князе Мешко, а русским Благою Весть

принес равноапостольный князь Владимир Святой, то пруссов крестили монахи-рыцари ордена дома Св. Девы Марии Тевтонской с огромными трудностями и непомерной кровью. Но хроника епископа Петра Камеранского показывает, что свет христианства был впервые принесен в Литву русскими в XI веке. Тогда же в Литве появились и православные клирики. Известно, что они были в свите русской жены Великого князя Литовского Гедиминаса — Ольге. Первое историческое упоминание о Вильнюсе — письмо Гедиминаса от 1323 года — свидетельствует, что в этом языческом городе служилась месса в доминиканском костеле Св. Духа и францисканском — Св. Николая. Крещение Литвы как событие государственной и церковной жизни произошло в 1387 году, крещение Жемайтии — в 1413 году. Новая религия ознаменовала вхождение литовского народа в европейскую культуру.

Первопричиной крещения выступали политические и экономические цели, но это еще не значит, что у «крестителей» отсутствовала убежденность в сакральности этой акции. Недостаточная подготовленность прозелитов не исключала последующего глубокого закрепления их новой веры. История христианства вообще знает исключительно мало случаев отхода вновь обращенных от Церкви, ибо обычно христианизация шла среди очень молодых, недостаточно развитых в культурном отношении народов, не способных к дальнейшему идеологическому противодействию соперникам. Плохое больше бросается в глаза и остается в памяти народов, а доброе — скромнее, часто о нем нет сведений.

Две христианские конфессии — католичество и православие — пришли в регион практически одновременно, причем взаимоотношение католической и православной церквей в регионе все годы были если не добрососедскими, то индифферентными. Пожалуй, единственное исключение из этого правила составляет героическое подвижничество Трех Виленских Мучеников (православных), но история любовью страны тех лет содержит несравнимо больше подобных драматических актов [17].

С перипетиями первых лет христианства в Литве, пусть не отмеченных бурными событиями и отличавшихся толерантностью межконфессиональных отношений, можно ознакомиться, например, в работе о. Василия (Новинского) [13, с. 3]. При всей резкости суждений ригористичного ортодоксального пастыря, он абсолютно спокойно описывает взаимоотношения католических и православных миссионеров, а затем и святителей, в течение многих десятков лет подвизавшихся на едином поприще.

До унии, приведшей к созданию Речи Посполитой, население Литвы было безразлично к теологическим проблемам и долгое время не придавало значения конфессиональным различиям христианства. Православные клирики и иноки также не только не стремились к конфронтации с католической паствой — даже религиозные диспуты не практиковались, за исключением эпизодов насаждения в Восточной Европе церковной унии. В это время конфликтовали лишь курии, а не рядовой клир и верующие.

Несколько особняком стоит в этом плане история униатской Греко-католической церкви, но проблемы этой сильно политизированной конфессии не были связаны с противодействием ее канонам [13, с. 3]. Униатский раскол способствовал преодолению традиционной инертности литовского народного сознания и стал элементом церковной и политической жизни общества, более того — психологической доминантой этнического и общественного сознания литовцев [5]. Еще в XVI веке православные составляли почти половину населения Литвы, от крестьян до крупнейших магнатов. Столь же древней является и католическая традиция Литвы. Проследивая историю развития культурной мысли в данном регионе, нельзя забывать, что без толерантности в зонах совместного проживания разнокультурных общин даже значительные политические и идеологические взаимоуступки не приводят к межнациональному миру — печальный пример этому составляет история Брест-Литовской унии в славянских группах населения Южной Балтии [3].

Итак, несмотря на значительную роль православия как составляющей национальной культуры не только русского, но и балтского населения, литовцы еще в Великом княжестве Литовском и Русском воспринимали только католическую традицию. Это существенно в культурологическом отношении, ибо крестившие страну младшие братья ордена Св. Франциска в своей миссии исходили из прогрессивной и в наши дни позиции этнокультурной аккомодации, то есть старались по возможности сохранять литовскую национальную культуру, не подавлять ее ригористическим соблюдением римско-католических канонов [12]. Поэтому у литовцев не была прервана преемственность национальной обрядовой традиции, многие элементы этнокультуры не были оборваны в момент крещения, как это случилось на Руси, что усиливало векторы расхождения балтских и славянских культур на литовской земле.

Список литературы

1. Батыр А. Сказание о литовском громовержце Перкуне. М., 1893.
2. Бахтин А.П. Орден Братьев рыцарской службы Христу в Пруссии // Балтийский альманах. 2002. №3. С.53 — 58.

3. Блажейловський Д. Українські Церковні Унії: Константинопільська, Риська и Московська. N.J. ; Paris ; Sidnej ; Toronto, 1987.
4. Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992.
5. Гумилев Л. Н., Ермолаев В. Ю. Горе от иллюзий // Вестник высшей школы. 1992. №7—9.
6. Иконникова С. Н. Структура исторической культурологии // Культура на пороге III тысячелетия. СПб., 1998. С. 7—13.
7. Иоанн-Павел II. Euntes in mundum // Единство в многообразии. Милан ; М., 1993. С. 163.
8. Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года. М., 2003.
9. Кулаков В. И. История стран Балтийского региона. Калининград, 2006.
10. Липшер В. Литовская литература в Восточной Пруссии // Лики родной земли. Калининград, 1999. С. 536—537.
11. Несколько слов о францисканцах. М., 1996.
12. Василий [Новинский]. Очерк истории Православия в Литве. Вильнюс, 2005.
13. Ежи Стецкевич. Войцех Адальберт. Калининград, 1999.
14. Петр из Дусбурга. Хроника Земли Прусской. М., 1997.
15. Шлевис Г. Православные святые Вильнюса. Страницы истории. Вильнюс, 2003.
16. Штрокорд А. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. М., 2004.

Vyacheslav Shakhov

HISTORICAL PRUSSIA IN THE MIRROR OF CONFESSIONAL RELATIONS

This article develops the concept of historical process being determined by cultural phenomena. The cultural aspect examined by the author is religious beliefs. It is shown that Prussia constituted a region of intersection between ancient Prussian paganism rooted in the proto-Indo-European era and Roman Catholic Church and Orthodoxy. The interaction of these forms of ideology is used to explain the history of Prussia.

Key words: *history of culture, religion, ethnic group, paganism, Christianity, Prussia, Lithuania.*